

Исаев Игорь Андреевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской
Федерации, заведующий кафедрой
истории государства и права, Московский
государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
125933, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9,
email: iaisaev@msal.ru

Isaev, Igor A.,
Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation,
Head of the Department of History of State
and Law of the O. E. Kutafin Moscow State
Law University (MSLA),
9 Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow,
125933, Russian Federation,
email: iaisaev@msal.ru

Румянцева Валентина Геннадьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры истории государства и права,
Московский государственный юридический
университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
125933, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9,
email: valentinarum@mail.ru

Rumyantseva, Valentina G.,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department
of History of State and Law of the O. E. Kutafin
Moscow State Law University (MSLA),
9 Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow,
125933, Russian Federation,
email: valentinarum@mail.ru

ПРАВЯЩЕЕ МЕНЬШИНСТВО: ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

THE RULING MINORITY: POSSIBLE PROSPECTS

АННОТАЦИЯ. За великими государствами стоят малозаметные серые кардиналы. История государства показывает нам, что так было и будет всегда. Впрочем, есть и исключительная власть, скрытая, которая не подлежит просто научному познанию. Вполне вероятно, что правящая власть – изобретение тайной власти, прячущейся под сенью ложных политических элит, формируемых на основе ограниченного круга и случайных критериев, таких, например, как обладание мировыми ресурсами. Одновременно существовали и существуют малые общества, господствующие над нами. Правдивая и ложная информация о них осколками разбросана на страницах литературы разных жанров. Верить или нет – неразрешимая дилемма. В статье предпринята попытка осознания тайны власти – правящего меньшинства – с позиции историко-правового и политико-правового анализа. Сама политическая элита в виде тайных обществ строится на некоем мифологизированном интеллектуальном превосходстве, сакральности знаний, которые она охраняет.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история государства; государство; общество; политика; власть; тайна власти; правление; управление; политическая элита; правящее меньшинство; тайное общество.

ABSTRACT. Behind the great states there are inconspicuous gray cardinals. The history of the state shows us that this has always been and will always be the case. However, there is also an exclusive power, hidden, which is not subject to scientific knowledge. It is likely that the ruling power is an invention of secret power, hiding under the shadow of false political elites formed on the basis of a limited circle and random criteria, such as, for example, the possession of the world resources. At the same time, there were and still are small societies dominating us. True and false information about them is scattered in fragments on the pages of literature of different genres. To believe or not is an unsolvable dilemma. The article attempts to understand the mystery of power – the ruling minority – from the standpoint of historical and legal and political-legal analysis. The political elite itself, in the form of secret societies, is built on a kind of mythologized intellectual superiority, the sacredness of the knowledge that it protects..

KEYWORDS: history of the state; state; society; politics; power; the secret of power; government; management; political elite; ruling minority; secret society.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Исаев, И. А. Правящее меньшинство: возможные перспективы [Текст] / И. А. Исаев, В. Г. Румянцева // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 39–44. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-5.

FOR CITATION:

Isaev, I. A. The Ruling Minority: Possible Prospects [Text] / I. A. Isaev, V. G. Rummyantseva. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 4. – P. 39–44 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-5.

Планы настоящей политической элиты обывателю не постичь. Немыслимо разгадать тайны правителей миропорядка, ибо влияние власти чем глубже, тем менее осязаемо.

Правящее меньшинство никогда не будет вторгаться в профанное пространство, руководить обществом открыто. Истоки тайного могущества – в чистой интеллектуальности, интенсифицируемой через концентрацию в единстве принципа и силы самой истины.

Во всяком большом обществе, замечает Огюстен Кошен, как бы само собой образуется другое – малое, более активное и организованное, которому не составит труда управлять большим без его ведома. Вся система политического меньшинства (кружки, клубы, ложи) базируется на законе социальной практики, согласно которому любой официальной процедуре предшествует подготовительное обсуждение среди исключительных лиц. «Посвященные» – узкая, объединенная, все ясно видящая группа, противоположная «непосвященным» – большой общности (народу). Политические методы, или, иначе, королевское искусство, воздействовали на массу внешне, бессознательно. Когнитивность превращалась в машину, что давало:

- «обеспечение общественного порядка без нарушения анархических принципов»;
- правоверность без веры;
- дисциплину, установленную без лояльности [5, с. 246].

В XVIII в. просвещенный абсолютизм способствовал процессу интеграции большого общества в государство. Постепенно даже анархический индивидуализм становится вполне креативным, переходя от бунта к революции, вместо передела мира завоевывая и поработывая его. «Эта революция будет осуществлена небольшим числом людей для немногих, а не всеми и для всех» [2, с. 557]. Тогда анархия может непосредственно соединиться с порядком в форме единства руководства и единства общественного мнения.

Кроме того, могучая индивидуальность («сверхчеловек») оказывается в состоянии преобразовать нововременной анархический дух путем организации и институционального утверждения внутри самого общества. Целью же здесь является поглощение большого общества другим – победоносным, активным, агрессивным, однако тайным. Так устанавливается и распространяется по всему свету царство господ – привилегированная форма героизма.

Исторически малые общества включались в единое государство-общество и попадали в сферу общего нормирования государственным правом. Принцип объединения индивидов переходил в принцип объединения членов государства. И все ради одной цели: сословное общество превращалось в современное стратифицированное государственное общество, корпоративное право – в государственное право.

Статичность, упорядоченность, административная и официальная сплоченность большого общества инспирированы динамическим, беспорядочным, таинственным ферментом малого общества. Связанная с социальной консолидацией сакральность, диктующая правила поведения, подвергается давлению сакральности иного рода, нарушающей порядок резко и насильственно. То будет «сакральное, которое растрчивает, которое само растрчивается (оргастическое сакральное)» [6, с. 156], или же, на юридическом языке, чрезвычайное положение.

Идея двух реальностей и двух властей – зримой (по факту мнимой) и скрытой (по факту истинной) – пробуждает конспирологические теории заговора или... чрезвычайного положения. Последнее служит базовым понятием политической теологии и теологии как таковой. У Карла Шмитта чрезвычайное положение есть секулярная эманация чуда:

«Чрезвычайное положение имеет для юриспруденции значение, аналогичное значению чуда для теологии» [14, с. 56].

В целом области политического и религиозного смешиваются, различий между церковью и

светским обществом более нет. Арнольд Тойнби прямо называет религию одним из ведомств политики, притом что сами институты («совершенные отражения нравственного несовершенства человеческой природы», «социальные продукты первородного греха» [8, с. 554]) всегда будут управляться секулярной рукой.

Для Джорджо Агамбена Провидение, как и управление, предстает в качестве машины, функция которой заключается в слиянии двух фрагментов – царства и славы – в единство божественного управления миром:

«...Современное Государство наследует оба аспекта теологической машины управления миром и выступает как в роли Государства-провидения, так и в роли Государства-судьбы» [1, с. 238–239].

Управленческая природа амбивалентна: государство облачается то в царское платье Провидения, то в зловеще невзрачное министерское одеяние фатума. В первом случае государство творчески законодательствует «трансцендентным и универсальным образом», даруя массам свободу и свою заботу, во втором – жестко и неуклонно выполняет «провиденциальные предписания и низвергает непослушных индивидов в неумолимое сцепление имманентных причин и следствий» [1, с. 239].

Необычное чаще всего находится вне правового поля, но указывает на нарушение естественного порядка жизни общества, при этом выступая как форма высшей законности, более весомой, чем ее грубое подобие, то есть придуманные государями законы. Нормативная система не в состоянии охватить всю реальность. Законность – обязательное дополнение к норме, она охватывает всю сферу «нормального». В условиях определенных обстоятельств государство полагает, что находится в опасности, и берет на себя право законной самозащиты, тогда «непрочная граница между нормой и законностью нередко стирается» [4, с. 112]. Данный посыл оправдывает афоризм Пьера Шаррона: «Чтобы сохранить справедливость в большом, необходимо иногда отклоняться от нее в малом» [10, с. 366].

Вообще в XVII в., в эпоху религиозных войн и поисков европейского равновесия, появилась политическая новелла – «бесконечное управленчество». Государства начинают руководствоваться необходимостью, а не династи-

ческой или религиозной легитимностью. Мишель Фуко описывает это так:

«Государство, государственный интерес, необходимость, угроза государственного переворота – все это образует новый трагический горизонт политики и истории» [10, с. 371].

Добрый пастырский нрав государства мутирует в театральную и трагическую жестокость. Вечные угрозы и сомнения толкают государство думать только о себе, заставляя народ смиряться с его насилием и ставить превыше всего государственный интерес. А потому политика никогда не войдет во внутреннее содержание законности или системы законов. Зачастую приходится, считает Габриэль Ноде, «пользоваться справедливостью поверхностной, частичной, политической, созданной ради потребностей городов и государств» [10, с. 366]. Политика связана с необходимостью. «Необходимость делает законы немymi, – пишет Карден Ле Бре. – Необходимость прекращает все привилегии, чтобы подчинить себе весь мир» [10, с. 345–346].

Государство решает само, что есть норма и нормальность, беспрепятственно влияет на норму, словно на правовое поле. По оценке Люка Болтански, подобные действия, «характерные для чрезвычайного положения, упраздняют принципы законности» [4, с. 113]. Необычное выделяется на фоне «нормального», вызывая тревогу граждан правопослушных, со стандартным представлением о норме.

Итак, управление демонстрировало свое экзистенциальное отношение к тайне. Отсюда смешение «управленческих» терминов *mysterium* и *ministerium*, постоянно используемое схоластикой. Сам категориально-понятийный аппарат администрирования и управления разработан ангелологией. Как «ангельская бюрократия» Дионисия Ареопита предвосхитила в своем иерархическом совершенстве бюрократию человеческую, так и «небесная тайна» предшествует тайне земной, наследуя таинственную природу у своей теологической модели, хотя Тертуллиан, напротив, назначает идеалом ангельского служения управление земной монархией [1, с. 263]. Бог управляет миром лишь посредством универсальных и понятных законов, не как пастырь, но безраздельно царствует на общих принципах, а государственно-правовая детализация – дело рук человеческих.

Реальность – целостность, созданная с помощью претендующих на универсальность правил, процедур, знаний, признанных институциями, формирующими их очертания, – породила явление биополитики. Конвергенция этатистского проекта и научно-технического развития позволила синтезировать комбинации из законов техники, социальных и экономических принципов, с одной стороны, и законов парламента, министерских постановлений, полицейских мероприятий, с другой. На свет явился ансамбль, составленный из всего множества населения, объектов, норм (официальных и неофициальных), существующих в границах национального государства [4, с. 68–69].

Если первичная организация общества не может соответствовать реальности, позволительно обратиться к его второстепенной, скрытой организации. Под ней Жорж Батай понимает *«средство, доступное тем, кто почувствовал необходимость навязать другим людям свою власть»* [7, с. 152]. Особая активность избранных наступает во времена кризисов, чрезвычайных ситуаций: потрясения возвращают стареющему официальному обществу молодость и жизнь. Роже Кайуа допускает публичный характер таких ассоциаций. К примеру, само братство (цеховое/масонское/заговорщиков) известно и не скрывается. А вот питающая избранных энергия проистекает *«из таинственного непроявленного элемента»* [6, с. 154] и фундирует магическое или технологическое знание, технологии. Таковы кузнечные братства, чьи алхимические тайны проанализированы Мирче Элиаде [15].

Вспоминаются и гностические движения в теории Эрика Фёгелина. Экзистенциальная власть гностических активистов приводит ученого к мысли: финальной формой прогресса будет тоталитаризм. Истоки тоталитаризма не в судьбе национального государства и социально-экономических трансформаций, а в росте имманентистского сектантства, опирающегося на ереси Средневековья. Тайное общество, воплощающее *«гностическую истину, преобразует цивилизацию в империю под своим руководством»* [9, с. 276]. В постмодернистской интерпретации новая форма государства – Империя – лишена центра власти и привязки к определенной территории аппаратом управления, постепенно вбирает глобальное простран-

ство в свои открытые и расширяющиеся границы. Суть власти видится именно в отсутствии границ и неудержимой экспансии: ее владычество не знает пределов, это будет господство вне территориальных границ и, что еще важнее, вне временных рамок, вне истории. Империя Майкла Хардта и Антонио Негри – *«мир и гарантии справедливости для всех народов»* [11, с. 25]. И еще, весомый фактор генезиса такой формы государства: *«Империя представляет свой порядок как постоянный, извечный и необходимый»* [11, с. 26]. В безграничном пространстве машина власти утверждает свое право, выходящее еще из римской традиции и соединяющее свои категории с универсальными этическими принципами в единое целое.

Происходит возврат к одной из древнейших форм императивности – политическому магизму, столь характерному для Нового времени методу восприятия мира и воздействия на него, где *«магия есть ритуал, нацеленный на поддержание игры аналогического сочетания мира в единую цепочку, циклической взаимосвязи всех вещей, связанных своими знаками»* [3, с. 242]. Еще Блез Паскаль описывал мир через систему видимостей, структур. Общество здесь – *«театр видимостей, в котором каждый представляет себя и каждый в своих суждениях определяет значение других»* [16, с. 135].

Отожествление мечты и реальности в политике делает невозможной координацию средств и целей. Иллюзия и репрезентация получают статус реальности, *«превращая театр потенциального в театр реального и действительного»* [16, с. 135]. Гностическим политикам угрожают магические манипуляции в мире мечты: *«неодобрение, моральное порицание, декларация намерений, резолюция, апеллирование к общественному мнению, клеймение врагов как агрессоров, объявление войн незаконными, пропаганда мира во всем мире и мирового правительства»* [9, с. 332]. Меры, предпринимаемые гностической политикой для установления порядка, лишь усиливают хаос, приводят к войне.

В государстве возникает новый некомпенсированный вакуум власти. Профанирующий «закон наибольшего числа» – закон материи и грубой силы. Масса раздавит все. Защитит нас противоположный процесс – концепт универсального порядка, находящегося на вершине иерархии власти, гармонизирующий миро-

порядок и генерирующий витальные конструкции, из которого исходит всякая социальная множественность. Неслучайно Данте Алигьери расположил место пребывания Люцифера в центре Земли – точке схождения всех механических сил тяжести. Центр же духовного, или небесного, притяжения символизирует Солнце.

Политическая элита всегда и везде может быть только малочисленной, а ее подлинная миссия остается тайной: Добро, Зло или же их союз она собой олицетворяет, неведомо. «*Кто говорит “человечество”, тот хочет обмануть*» [13, с. 331] (Пьер-Жозеф Прудон). Каждое из множественных политических единств в архитектуре миропорядка есть только его часть, а не гегемон. При политико-правовом плюрализме тотальность малых общностей – ложное и даже вредное явление. Думающий человек XXI века всегда должен иметь свою волю, не затуманенную слепым стремлением к всеобщему благу, симулякру рая, а также выбор, следовать за манипуляциями тайной власти или нет. Вероятно, когда планетарный феномен «человечество» используется для отождествления с правящим меньшинством или для оправдания его деяний, прокладывается inferнальный путь «для самой ужасной экспансии и убийственного империализма» [12, с. 254].

Литература

1. Агамбен, Дж. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления [Текст] / Дж. Агамбен. – Москва ; Санкт-Петербург : Издательство Института Гайдара ; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2019. – 552 с.
2. Бертеле, Р. По страницам журналов : науки о человеке и сакральная социология [Текст] / Р. Бертеле // Europe. – 1938. – № 190. – 15 октября. – С. 275–276. Цит. по: Коллеж социологии, 1937–1939 / сост. Д. Олье. – Санкт-Петербург : Наука, 2004. – 588 с.
3. Бодрийяр, Ж. Соблазн [Текст] / Ж. Бодрийяр. – Москва : Ad Marginem, 2000. – 319 с.
4. Болтански, Л. Тайны и заговоры. По следам расследований [Текст] / Л. Болтански. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 502 с.
5. Кошен, О. Малый народ и революция [Текст] / О. Кошен. – Москва : Айрес-пресс, 2004. – 288 с.
6. Письмо Роже Кайуа. Братства, ордена, тайные общества, церкви [Текст] // Коллеж социологии, 1937–1939 / сост. Д. Олье. – Санкт-Петербург : Наука, 2004. – С. 153–162.

7. Текст Жоржа Батая. Братства, ордена, тайные общества, церкви [Текст] // Коллеж социологии, 1937–1939 / сост. Д. Олье. – Санкт-Петербург : Наука, 2004. – С. 148–153.

8. Тойнби, А. Постигание истории [Текст] / А. Тойнби. – Москва : Айрес-пресс, 2010. – 640 с.

9. Фёгелин, Э. Новая наука политики. Введение [Текст] / Э. Фёгелин. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2021. – 374 с.

10. Фуко, М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году [Текст] / М. Фуко. – Санкт-Петербург : Наука, 2011. – 544 с.

11. Хардт, М. Империя [Текст] / М. Хардт, А. Негри. – Москва : Праксис, 2004. – 440 с.

12. Шмитт, К. Государство и политическая форма [Текст] / К. Шмитт. – Москва : Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. – 272 с.

13. Шмитт, К. Понятие политического [Текст] / К. Шмитт. – Санкт-Петербург : Наука, 2016. – 567 с.

14. Шмитт, К. Политическая теология [Текст] / К. Шмитт // Политическая теология : сборник. – Москва : Канон-Пресс-Ц, 2000. – С. 7–98.

15. Элиаде, М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения [Текст] / М. Элиаде. – Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 1999. – 356 с.

16. Ямпольский, М. Физиология символического [Текст] / М. Ямпольский. – Книга 1: Возвращение Левиафана: политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. – Москва : Новое литературное обозрение, 2004. – 807 с.

References

1. Agamben, J. Kingdom and Glory. To the theological genealogy of Economics and Management [Text] / J. Agamben. – Moscow ; St. Petersburg : Gaidar Institute Publishing House ; Faculty of Liberal Arts and Sciences of St. Petersburg State University, 2019. – 552 p. [in Russian].
2. Bertele, R. On the pages of journals: human sciences and sacred sociology [Text] / R. Bertele // Europe. – 1938. – No. 190. – October 15. – P. 275–276. Cit. by: College of Sociology, 1937–1939 / comp. D. Ollier. – St. Petersburg : Nauka Publ., 2004. – 588 p. [in Russian].
3. Baudrillard, J. Temptation [Text] / J. Baudrillard. – Moscow : Ad Marginem Publ., 2000. – 319 p. [in Russian].
4. Boltansky, L. Secrets and conspiracies. In the wake of investigations [Text] / L. Boltansky. – St. Petersburg : Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2019. – 502 p. [in Russian].
5. Koshen, O. Small people and revolution [Text] / O. Koshen. – Moscow : Ayres-press, 2004. – 288 p. [in Russian].
6. A letter from Roger Caillois. Fraternities, orders, secret societies, churches [Text] // College of Sociology, 1937–1939 / comp. D. Ollier. – St. Petersburg : Nauka Publ., 2004. – P. 153–162 [in Russian].
7. Text by Georges Bataille. Fraternities, orders, secret societies, churches [Text] // College of Sociology, 1937–

1939 / comp. D. Ollier. – St. Petersburg : Nauka Publ., 2004. – P. 148–153 [in Russian].

8. *Toynbee, A.* Comprehension of History [Text] / A. Toynbee. – Moscow : Ayres-press, 2010. – 640 p. [in Russian].

9. *Fegelin, E.* The New Science of Politics. Introduction [Text] / E. Fegelin. – St. Petersburg : Vladimir Dal Publ., 2021. – 374 p. [in Russian].

10. *Foucault, M.* Security, territory, population. A course of lectures delivered at the Collège de France in the 1977–1978 academic year [Text] / M. Foucault. – St. Petersburg : Nauka Publ., 2011. – 544 p. [in Russian].

11. *Hardt, M.* Empire [Text] / M. Hardt, A. Negri. – Moscow : Praxis Publ., 2004. – 440 p. [in Russian].

12. *Schmitt, K.* The state and the political form [Text] / K. Schmitt. – Moscow : Publishing House of the State University – Higher School of Economics, 2010. – 272 p. [in Russian].

13. *Schmitt, K.* The concept of the political [Text] / K. Schmitt. – St. Petersburg : Nauka Publ., 2016. – 567 p. [in Russian].

14. *Schmitt, K.* Political theology [Text] / K. Schmitt // Political theology : collection. – Moscow : Canon-Press-Ts, 2000. – P. 7–98 [in Russian].

15. *Eliade, M.* Secret societies. Rites of initiation and initiation [Text] / M. Eliade. – Moscow ; St. Petersburg : University Book, 1999. – 356 p. [in Russian].

16. *Yampolsky, M.* Physiology of the symbolic [Text] / M. Yampolsky. – Book 1: The Return of Leviathan: Political Theology, the Representation of Power and the End of the Old Regime. – Moscow : New Literary Review, 2004. – 807 p. [in Russian].

Поступила в редакцию 06.12.2022

Received December 06, 2022